

Для цитирования: Дыдров А. А., Пеннер Р. В. Построение дискурса о цифровом как феномене информационной современности // Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 114—126. DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-114-126. EDN KPTOBD.

УДК 101.2

EDN KPTOBD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-114-126

ПОСТРОЕНИЕ ДИСКУРСА О ЦИФРОВОМ КАК ФЕНОМЕНЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОВРЕМЕННОСТИ¹

Дыдров Артур Александрович,
Южно-Уральский государственный университет,
профессор кафедры философии,
старший научный сотрудник
научно-образовательного центра
практической и прикладной философии,
доктор философских наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: zenonstoik@mai.ru

Пеннер Регина Владимировна,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
старший научный сотрудник научно-образова-
тельного центра практической
и прикладной философии,
кандидат философских наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Аннотация

Введение. Субъекты и актанты социальной реальности вошли в цифровую эпоху. Это выражено в нескольких уровнях: прежде всего в предметном и технологическом, но также на уровне повседневности в бытии современного человека и социальных групп и мировоззрении вообще. Философ как никто другой способен к видению подобных трансформаций и их последующей рефлексии. Эта рефлексия осуществляется одновременно в лоне классических социально-гуманитарных дисциплин, в том числе, философии, социологии, культурологии, например, и в пространстве новых областей научного знания. Такой новой дисциплиной, в фокусе внимания которой лежит цифровое, является цифровая антропология. Статья презентует резюме из выступлений ведущих докладчиков методологической школы «Цифровая антропология:

теоретические и прикладные аспекты», которая состоялась в мае 2022 г. на базе Южно-Уральского государственного университета.

Цель. Выявить и проанализировать возможные направления философской рефлексии цифрового в контексте концептуализации цифровой антропологии.

Методы. В исследовании были использованы общенаучные методы — анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование. Анализ выступлений докладчиков методологической школы «Цифровая антропология: теоретические и прикладные аспекты» осуществлялся, прежде всего, на основе метода интерпретации и системного подхода.

Научная новизна исследования. В статье представлены конкретные шаги в построении дискурса о цифровом посредством аналитики докладов отечественных философов и их последующего обсуждения в рамках работы методологической школы «Цифровая антропология: теоретические и прикладные аспекты».

Результаты. Экспозиция докладов в рамках методологической секции тематически варьировалась от онтологического, антропологического и аксиологического аспектов цифровизации до конкретных кейсов Internet Studies. В рамках работы методологической школы прозвучали следующие доклады: «Проблема ценностей в цифровой культуре» (Ю. Ю. Ветютнев), «Импакт-контент в социальных медиа» (С. В. Тихонова), «Конструирование представлений о прошлом в социальных медиа» (Д. С. Артамонов), «Репост и лайк как «альтернативы» традиционной наукомерии» (Е. Э. Чеботарева), «Ценностно-смысловое измерение субъектности: возможности и угрозы цифрового общества» (С. В. Борисов), «Цифровая грамотность в условиях надзорного капитализма и сетевцентрической войны» (К. Е. Резвушкин), «Игровое кино и цифровые технологии: будущее одной иллюзии» (Т. А. Вархотов).

Выводы. В работе методологической школы был обозначен широкий спектр проблем, связанных с цифровой повседневностью. Эти проблемы актуализируют аксиологические, социальные, антропологические оптики исследований. Все участники школы в различных ракурсах показали то, что перед философией возникли новые задачи по осмыслению и концептуализации меняющейся действительности. Философ, обитая в цифровом пространстве, способен рефлексировать цифровое и строить дискурс о нем. На место такого дискурса, на наш взгляд, претендует концепция цифровой антропологии.

Ключевые слова:

цифровое,
цифровое пространство,
цифровая антропология,
цифровая грамотность,
интернет,
цифровые актанты,
цифровая идентичность

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-2592.2022.2 «Цифровая антропология: теоретические и прикладные аспекты».

Введение

Мы подвешены в пространстве между, мирами реальным и виртуальным. Вне зависимости от социальных и культурных пертурбаций реальный мир дефинирует конкретные артефакты и различные социальные практики, что реализуются субъектами в отношении к этим артефактам. Виртуальный мир, в свою очередь, подвижен. В XXI в. виртуальность выражена в обывательском дискурсе, как правило, в форме цифры и цифрового.

Цифровое трансформирует человека и преобразует его социальные практики. Концептуально эта трансформация презентирована в идеях новых поколений. Наверное, наиболее известным именем нового человека из цифровой эпохи стал *digital natives* М. Пренски [32; 33]. В 2022 г. открывается второй десяток с того момента, когда М. Пренски впервые разделил людей на две группы сквозь призму их связи с цифровым. Согласно американскому педагогу, принципиальное отличие аборигенов от иммигрантов в том, что цифровое для них является естественной средой обитания; они уже родились в условиях цифровых гаджетов и доступного интернета, оттого язык цифрового — компьютеры, видеогры и интернет — является их естественным языком [32, с. 1]. В то же время иммигранты, как бы хорошо они не освоили этот язык, будут говорить на цифровом с явным акцентом [32, с. 2]; иными словами, на поверхности усилия, что затрачивают *digital immigrants* в обращении к цифровому языку.

В XXI в. идея М. Пренски остается на острие цифровой проблематики в социально-гуманитарном и образовательном дискурсах [25; 30; 33]. В актуальных исследованиях авторы из различных областей научного знания, в том числе, компьютерных наук, инноватики и информационных систем, двигаются от непосредственно идеи цифровых аборигенов к цифровой грамотности как антропологическому маркеру цифровой эпохи. Цифровая грамотность в них представлена не только как интуитивно нарабатываемые навыки, но как система взаимодействия разных актантов, прежде всего, человека и цифровых технологий, в рамках которой человек (вне зависимости от того, является он аборигеном или иммигрантом в пространстве цифры) должен быть открыт новому, не только готовым знаниям, но и информации [15], должен пребывать в условиях имманентного образования и самообразования [26].

В определенной степени с идеей *digital natives* консонирует теория постчелове-

ческой персоналогии, что разрабатывает Г. Л. Тульчинский. Однако если М. Пренски ставит проблему «нового» цифрового человека в контексте своеобразной антропоэволюции (мир трансформируется и человек меняется вместе с ним в лучшую сторону), то отечественный философ обращается к этой проблеме с определенными опасениями. Опасность Г. Л. Тульчинский усматривает, прежде всего, в «экспансии science на сферу humanities» [18, с. 330]. В социальном ракурсе экспансия представлена в характере движения информационных потоков. В цифровую эпоху очень много информации. Классическая схема работы человека с информацией в доцифровую эпоху базировалась на том, что сначала информация проходила через особые фильтры, что как бы сортировали ее на то, «что нужно» и «что не нужно». В ситуации кардинального умножения информации традиционные фильтры не работают. Ответ человека Г. Л. Тульчинский закрепляет в двух действиях, «лайкать и банить» [18, с. 36]. Человек единожды выбирает своего лидера мнения, затем бездумно следует за ним. Подобное поведение Г.Л. Тульчинский маркирует как «единомыслие» [18, с. 36], образ чего еще в XX в. набрасывали писатели-дистописты. Свое размышление философ заключает двумя выводами. Первый утверждает опасность: «полная деперсонализация, элиминация субъекта самосознания и ответственности» [18, с. 39]. Второй презентирован надежду на спасительное: ««делая шаг вперед — два шага назад», уступая экспансии science, гуманитарность сохраняет «домик» души и свободы. Это именно человеческое измерение бытия» [18, с. 41].

В технологизированном пространстве, что становится все более цифровым, Г. Л. Тульчинский ищет место человеку. Место, в поисках которого он находится, непростое. В классическом гуманизме человек существовал в конкретном топосе среди иных вещей; он занимал место демиурга, творца. Человек находился на троне бытия. Цифровые технологии в этом контексте должны были стать тем, что укрепляет позиции человека. На практике все оказалось несколько сложнее. Цифровые технологии расфокусировали антропологическую призму. Ю. Хабермас закрепил это в тезисе о том, что субъект «закончился» вместе с окончанием эпохи модерна [19]. Вместе с человеком на роль актантов сегодня претендуют гаджеты, информация и сами сети (прежде всего, интернет). Это вызывает вопросы у тех, кто остается на антропологических

позициях. Вместе с Г. Л. Тульчинским вопрошает Т. В. Черниговская. В своих статьях и публичных выступлениях нейробиолог не раз задавалась вопросом о том, что станет с человеком, на месте которого все более устойчиво обосновываются компьютер, нейросети и искусственный интеллект [24].

Сегодня мы констатируем то, что есть компьютер и цифровые технологии, и вместе с ними остается человек. Современный человек, обитая в цифровом пространстве, дабы остаться человеком должен рефлексировать цифровое и строить дискурс о нем. С целью сделать шаги в этом направлении состоялась выездная методологическая школа, организованная при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых — кандидатов наук МК-2592.2022.2 «Цифровая антропология: теоретические и прикладные аспекты» 20—22 мая 2022 г. на площадке Ужно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). В работе школы приняли участие философы, социологи, юристы и педагоги из Волгограда, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова и Челябинска. Ниже представлены резюме из выступлений ведущих докладчиков методологической школы.

К вопросу о ценностях в цифровом (Ю. Ю. Ветютнев)

Экспозиция докладов в рамках методологической секции тематически варьировалась от онтологического, антропологического и аксиологического аспектов цифровизации до конкретных кейсов Internet Studies. Пилотное выступление Ю. Ю. Ветютнева (кандидат юридических наук, специалист по аксиологии права и нормативности) было посвящено ценностной проблематике. Научная ретроспекция Ю. Ю. Ветютнева включает в себя разнообразные труды, среди которых особое место занимают статьи по правовым ценностям. Аналитика и дескрипция аксиологического субстрата осуществляется исследователем, начиная с универсально-правовых центробразующих концептов равенства и справедливости. Исторически сформированное содержание общеизвестных категорий всерьез ставится под сомнение, в частности, с отсылкой к «механической солидарности» как единственному условию реализации соответствующих отношений. Иначе говоря, равенство и справедливость возможны в той среде, где эффективно работает механизм взаимозаменяемости агентов (рыночные торговцы, солдаты в строю и т. д.) [8, с. 90].

В рамках выступления на методологическом семинаре докладчик начал со ссылки на онтоаксиологический дискурс Н. Гартмана, конституирующий ценностным «фундаментализмом»: «все цели диктуются ценностями, основаны на ценностях и производны от них» [9, с. 49]. По утверждению последнего, ценности конституируются потерей равновесия и невозможностью сохранения нейтралитета. Сквозь ценностную призму мир «трансформируется», утрачивая гомогенность. К слову, в самом общем виде эта констатация соответствует хайдеггерианской идее о скуке или ужасе как экзистенциальных состояниях (или дословно «фундаментальных настроениях»), которые случаются «достаточно редко, только на мгновения» [22, с. 32]. Ужасу, по оценке М. Хайдеггера, присущ «оцепенелый покой». Нечто «подобное» происходит и в фундаментальном настроении скуки, характеризующейся тотальным безразличием к окружающему.

Традиционному пониманию ценностей (фактически обывательскому) присуща дифракция значений. В повседневности ценности интерпретируют как явления практики, буквально «заставляющие» жизненный мир человека блага. В ином ракурсе на ценности смотрят как на интеллектуальные конструкции, или метаязыковые форматы. Обывательский дискурс с легкостью «приватизирует» ценности, указывая на них с помощью притяжательных местоимений («мои», «наши»). Наконец, практикуется и сведение ценностей к риторическим конструкциям (фигурам), то есть де-факто к продуктам дискурсивно-символического обмена. В последнем случае они утверждаются как те же интеллектуальные конструкции, но находящиеся в обороте и фигурирующие в пространстве публичности. Дифракция интерпретаций непосредственно фундирует соответствующие аксиологические отношения. Блага, как известно, можно обменивать на другие блага или посреднические эквиваленты. Идеи попадают под рефлексивную юрисдикцию, «осмысление», «критику» и т. п. «Приватизация» ценностей фактически осуществляется с помощью известных социальных механизмов (воспитание, образование). Наконец, речевые формируются риторикой и дискурсивной машиной на практике. Таким образом, обмен, рефлексия, педагогика и риторика являются своеобразным деятельностным кодексом, коррелирующим с обозначенными аксиоформатами. В связи со сказанным возникает проблемный вопрос: возможен ли объединяю-

щий род деятельности и, соответственно, универсалистское понимание ценностей, обладающее иммунитетом от смысловой дифракции? Этот непоименованный род деятельности и консонирующая с ним интерпретация обусловили бы унитаризацию распыленных смыслов.

В ситуации постмодерна дифракционные тенденции набрали силу, затрудняя любые попытки приведения множественности к единому знаменателю. Крушение «великих нарративов» (Ж.-Ф. Лиотар) повлияло на существовавшие иерархии, созданные социальной машиной традиции. В результате ценности утратили привычные ориентации верха и низа, которые сохранились только в качестве исторических неактуальных означающих. Критика постмодернистской дифракции обусловила сохранение соответствующей оптики при взгляде на цифровизацию и ее «продукты». В пространстве интернета лицо человека редуцировано до «профиля», а верх и низ веб-страницы ничем не различаются. Выводы доклада, по существу, представляли собой констатацию кризисного положения человека и коррелирующей ситуации в мире ценностей.

Котики захватили (! или ?) Интернет (С. В. Тихонова)

Конкретный культурологический кейс был предложен саратовским профессором С. В. Тихоновой, акцентировавшей свое внимание на импакт-контенте Интернета и продолжившей выступление аналитикой т. н. «культуры отмены» и «троллинга» как специфических субкультурных трендов, технологически детерминированных доместизацией сети Интернет. «Контент» приобрел терминологический статус в связи с распространением сетевых технологий, обеспечивающих пользовательский доступ к информации. Следует понимать, что само слово возникло вне всякой связи с информационно-технологическими трендами и фактически многозначно: это и «емкость», «вместимость», объем и «удовольствие», «суть», «содержание» и т. д. В терминологическом статусе «контент» эквивалентен содержанию, то есть относится к сфере значения, а не формата. В этом отношении соотношение флуда или спама с контентом может быть не без оснований поставлено под вопрос. По-видимому, однозначного ответа этот вопрос не имеет ввиду различия оптик и исследовательских подходов. Термин «контент» функционирует, так или иначе, в классической бинарной логике формы

и содержания, однако семиозис слова выходит за границы традиционного логического схематизма, что и провоцирует известную коллизию. «Импакт», разумеется, не является приложением к термину, но указывает на его функционал и потенциал. Контент буквально «воздействует», а фактически встраивается в маркетинговые программы (и шире — суггестивные практики). С очевидностью это прослеживается в случае с рекламой, политическими и идеологическими акциями, однако внушение является только частным случаем воздействия. Воздействующий потенциал интернет-контента, по всей видимости, куда более многогранен и не сводится к целенаправленной суггестии. Помимо «кричащего» контента («получи», «выиграй», «проголосуй» и т. д.) существует контент, имеющий при первом приближении строго определенный функционал развлечения. В монографическом исследовании С. В. Тихоновой и Д. С. Артамонова «Историческая память в социальных медиа» очерчивается круг проблем, связанных не только с трансляцией, но с производством нового знания, новой методологии и исследовательской оптики в принципе. В частности, формулируется вопрос «как учить цифровых историков?» [17, с. 232]. Не следует воспринимать этот вопрос как исследовательскую оговорку или поспешное суждение: в нем сформулирована вполне обоснованная пресуппозиция: производство исторического знания меняется здесь и сейчас. Интернет уже стал альтернативным архивом (метаархивом) и музеем, содержащим куда больше информации, чем классические хранилища. Кроме того, сеть производит и репродуцирует историческое знание, каким бы «несостоятельным» это знание не казалось в традиционалистской оптике. Не случайно главы книги посвящены видеоиграм, мемам и демотиваторам и другим медиаформатам, имеющим сложный функционал.

В действительности заряд импакт-контента (нередко скрывающегося под видом развлечения) нуждается в исследовательской рефлексии Internet Studies и ряда других научных областей. Этот «развлекательный» контент (конкретный тренд, разумеется, связан с «котиками») может быть одновременно сугубо развлекательным в обывательской оптике и сообщаемым (воздействующим) в исследовательской. Внешне парадоксальная мысль о том, что формирование цифровой грамотности вряд ли возможно без соответствующего знания «котософии» — сложного комплекса меметического

и аудиовизуального форматов, вмещающего в себя разнородные интерпретации актуальных событий и тенденций. Цифровая грамотность (Digital Literacy) не сводима к технической стороне дела. Эта позиция разделяется западными исследователями (см., например, статьи Y. Wang и D. James Woo [35], A. M. B. Flandoli и J. M. S. Eguiguren [28]), указывающими на такой необходимый навык в контексте цифровой грамотности, как критическое отношение к данным.

По мнению С. В. Тихоновой, «кошачья революция» в Интернете коррелирует с неопределенным, постоянно меняющимся спектром тенденций и событий и фактически формирует кластеры интерпретаций событийности. На уровне субъективности многие мемы «не смешны» попросту потому, что они непонятны и требуют от потребителя определенного уровня подготовки и осведомленности в трендах. Как показывают психологические исследования, кошачья «упаковка» сетевого ньюсмейкинга выполняет, в частности, роль абсорбента и служит эффективным средством для привлечения внимания (при этом совсем не обязательно для внушения). Контент, скрытый за оболочкой, может быть куда серьезнее самой упаковки. Последнее суждение в некотором смысле справедливо и в контексте формирования исторической памяти, распыленной в микроформатах Интернета и, традиционно, в книгах и аудиовизуальных текстах.

История и историческая память из цифровых источников (Д. С. Артамонов)

Сообщение Д. С. Артамонова, кандидата исторических наук из Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, было посвящено исторической памяти в контексте цифровизации и медиатизации культуры. Обозначенные процессы привели к существенным новациям не только в сфере хранения сведений о прошлом (общеизвестно, что интернет выполняет, в числе прочего, функцию хранения данных), но и в практике *преобразования* прошлого. Последнее можно интерпретировать, памятуя об одной из частей знаменитой литературной формулы: «кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое». Сеть, разумеется, не реализует привычные и исторически ранние способы контроля, основанные на принципе субординации и функционировании карательных институций. Вместо прямого насилия и приказа (директивы) действует интенсивно

распространяющийся информационный «вирус», буквально *впечатляющий* реципиента. Мемы, демотиваторы, «гифки» и short stories имеют — пару десятилетий назад это утверждение фактически не имело бы смысла — функционал хранения и трансляции исторического знания, а также конструирования образов прошлого. Из сказанного не следует, что обозначенные микроформаты захватили интернет-пространство, — докладчик убедительно доказал, что медиа-индустрия работала и работает по линии «производства» прошлого. Между тем, у них есть очевидное преимущество в скорости: на создание той же Indie game или соответствующего корпоративного продукта уходит куда больше времени, нежели на создание мема. В свою очередь, микроформаты, как правило, не требуют от пользователя значительных ресурсных затрат, в сравнении с производством фильма или созданием игры.

«Вирусная» природа исторической памяти в сети де-факто сопрягается с лавинообразным фейкмейкингом, то есть буквально с *производством* заведомо ложных «событий». Нет ничего удивительного в том, что в XXI в. обострилась проблема демаркации референции и симуляций всех порядков (например, актуализируется т. н. «fact checking»). Вместе с тем, демонизация новых практик памяти существенно затрудняет возможные тактические и стратегические решения по интеграции медиаконтента в функционирующие механизмы социализации. Тот же фейкмейкинг не следует оценивать исключительно в терминах манипуляции и суггестии: в действительности, это одна из многочисленных пользовательских практик, осуществляемых как во имя «мемориальных войн», так и для развлечения [2, с. 9]. Учиться работать с «вирусными» форматами и симуляциями нашего времени — одна из принципиально значимых задач современной социально-гуманитарной науки.

Репост и лайк как «альтернативы» традиционной наукометрии (Е. Э. Чеботарева)

Доцент СПбГУ Е. Э. Чеботарева акцентировала внимание на специфике существования науки в контексте интенсивного развития цифровых технологий. Наряду с традиционными формами фиксации научно-исследовательских результатов и способами их оценки и признания укрепляются

иные форматы научной коммуникации и репрезентации. В статье 2017 г. Е. Э. Чеботарева утверждала, что одним из первых шагов интернетизации науки является т. н. «альтметрика», фокусирующаяся не столько на индексах цитирования в той или иной базе данных, сколько на множестве альтернативных (наименование метрики прямо свидетельствует об этом) форм признания результатов исследования: обсуждениях на форумах и в блогах, «лайках», числе загрузок и т. д. В связи с популяризацией альтметрических шкал Е. Э. Чеботарева сформулировала два проблемных вопроса: 1. Могут ли альтметрические показатели конкурировать с данными «традиционной» наукометрии? 2. Должна ли альтметрика выступать в качестве альтернативной или только дополнительной метрики? [23, с. 37]. Отвечая на первый вопрос, исследователь критически оценивает уверенность зарубежных коллег в эквивалентности между цитируемостью в блогах, на форумах и др. интернет-ресурсах и цитируемостью в научных изданиях. Отвечая на второй вопрос, Е. Э. Чеботарева акцентирует внимание на особых областях знания (например, медицине, наука о жизни и др.), где признание научным сообществом не может быть заменено альтметрическими индикаторами. Следовательно, «альтернативные метрики» могут служить там только в качестве дополнительных метрик. Некритическое принятие альтметрики в качестве метрологического эталона для оценки научных исследований может иметь трудно ликвидируемые издержки, связанные с ростом числа недобросовестных исследователей и статей-фальсификатов. В контексте интернетизации различных сфер жизни общества «лайки» выполняют символическую функцию ликвидного посредника между спросом и предложением, услугой (контентом) и потребителями. Разумеется, цифровая «валюта» периодически становится предметом спекуляций и подделки.

Цифровизация науки фундирует изменения реализации коммуникативных процессов. По мнению Е. Э. Чеботаревой, цифровизирующаяся коммуникация выступает индикатором усиления связей экспертного сообщества. В перспективе опосредованное цифровыми технологиями сообщение ученых может катализировать создание научно-исследовательских проектов, свободных от прямого административного давления [23, с. 38—39]. Сближение науки с цифровой экономикой, очевидно, имеет целый спектр последствий, многие из которых можно ин-

терпретировать как положительные (сравнительно легкий доступ к коммуникационным каналам, информации и т. д.). Наряду с ними возникают и неоднозначные тенденции. В частности, речь идет о возможном изменении статуса научного знания, ориентирующегося на решение прикладных задач, идущего в кильватере технологических и экономических трендов и моды.

Проблема субъектности в цифровом (С. В. Борисов)

В контексте цифры важную роль играет даже не само пространство цифрового и технологии, что его создают, а субъект, что созидает и потребляет информацию на просторах интернета. Человек получил имя субъекта еще в эпоху Нового времени. Тогда Р. Декарт сквозь призму радикального сомнения задавался вопросом о Я, что ищет доказательство существования не вовне, но внутри, в самой своей способности вопрошать [10]. Ю. Хабермас, в свою очередь, зафиксировал своеобразное «угасание» субъекта во время после модерна. Место субъекта в науке и культуре еще со второй половины XIX в. стало все больше попирается сначала социальными группами (классовое противостояние), затем нациями и народами (Первая и Вторая мировые войны), и, наконец, техникой и технологиями, что отображено в позиции сторонников Science and Technology Studies.

Кажется, что человек, «поравнявшись» с техникой, все больше удаляется от субъектности, того, что утверждает его универсальность как представителя человеческого рода и одновременно уникальность (в том числе, творческую). Причины этого отдаления С. В. Борисов усматривает в проблемах, что влечет за собой цифровая эпоха и утверждает цифровое общество. Проблемы, как правило, отражаются на молодежи. Иными словами, молодое поколение, растущее в цифровую эпоху, не просто другое, оно может пониматься как т. н. «проблемное». Проблемность эта выражается в нескольких направлениях:

- 1) выход молодых людей из-под власти традиционных средств массовой информации;
- 2) множественность и рассредоточенность информационных источников;
- 3) изменение (вплоть до упрощения) языка и языковых конструкций по причине ориентации на письменный символический язык (в том числе, эмодзи);

- 4) перестройка телесных практик (вплоть до обездвиживания в случае пользования стационарными устройствами) и трансформация кинестетических режимов;
- 5) рассредоточение и дефицит внимания вследствие работы с текстовыми, анимированными, видео- и аудиальными материалами, ориентация на фрагменты и нарезки, не на целые произведения.

Первые две группы проблем С. В. Борисов идентифицирует как «псевдопроблемы», т. е. это проблемы не самой молодежи, но властных структур, что стремятся управлять и манипулировать ею. В свою очередь, оставшиеся три проблемы вносят существенные коррективы в структуру т. н. «множественного интеллекта» (Г. Гарднер), что в конечном счете «размывает» субъектность [3, с. 43].

Дабы человеку оставаться человеком необходимо сохранить человеческое. Проблема охраны и сохранения человеческого обретает первые наброски еще в философии XX в. Зарождается она в контексте размышлений о технике и техническом. М. Хайдеггер в своих поздних эссе утверждает рабскую зависимость человека от техники [21]. Вместе с тем, он утверждает и то, в опасности всегда кроется спасительное [20]. Отсюда М. Хайдеггер делает вывод о том, что человек должен сказать техники одновременно да и нет: «Мы можем сказать «да» неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать «нет», поскольку мы запретим им затребовать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность» [21]. Кажется, что современные исследователи безмолвно соглашались с этим двояким ответом. Так утверждает свою позицию Д. В. Соломко, концептуализируя идею экогуманистики как особой, гуманосохраняющей, формы отношений человека с миром техники [16].

Вместе с тем, неразрешенным остается вопрос практики, как сохранить человеческое в человеке из цифровой эпохи. С. В. Борисов отвечает на этот вопрос, следуя за многовековой традицией философских практик [4]. Человеческое в человеке возможно воспитать, развить и сохранить при реализации человеком личностного проекта [3, с. 44]. Философская антропология, помимо прочего, определяет экзистенциалы в бытии человека (-ом) [13]. Одним из них является самотрансцендирование как способность человека выходить за пределы своих границ. В какой-то степени личност-

ный проект как раз об этом; он коренится в специфике человека быть неудовлетворенным наличным бытием, проектировать желаемое бытие и реализовывать свой проект, тем самым преобразуя себя.

Открытым остается вопрос о том, как помочь молодому человеку обрести субъектность в цифровых условиях. С. В. Борисов связывает в этом контексте субъектность с адаптивностью. Для реализации себя, в том числе, другого себя, человеку необходима комфортная окружающая среда, в нашем случае — цифровая среда. По мысли С. В. Борисова, различные цифровые приложения отвечают условиям исковой дружелюбности. Одним из них является адаптационный чат-бот «Сократ-2020», патент на который был оформлен в 2022 г. [1]. Целью чат-бота «Сократ-2020» является адаптировать иностранных студентов к требованиям российских вузов и к условиям российского быта. Чат-бот призван помочь человеку реализовать свой личностный проект, который не есть «стремление к завершенности или совершенству, но стремление жить в согласии с собой в любой жизненной ситуации, стремление удержать в себе этот хрупкий баланс душевного и эмоционального равновесия», что возможно посредством философствования, в движении по направлению «философия для человека» [3, с. 45].

С. В. Борисов, двигаясь в направлении сохранения человеческого, отмечает, что субъектность отменить нельзя. Происходит это вследствие нескольких оснований: субъектность свойственна только живому; она собирается вокруг ценностно-смыслового ядра; она непосредственно связана со смыслом и присутствием в их экзистенциальном понимании. Отсюда задачи философа сводятся к тому, чтобы дать субъекту говорить на своем языке и, в том числе, посредством философского вопрошания помочь ему в определении личностного проекта.

От надзорного капитализма к цифровой грамотности (К. Е. Резвущкин)

Цифровая грамотность есть одновременно феномен и концепт. На феноменальном уровне она указывает на определенные навыки, чем должен овладеть человек в цифровую эпоху. В официальном документе командования объединенных сил США от 2001 г. глобальная информационная сеть презентирована как базовый кирпич в пирамиде глобального доминирования [29]. Отсюда посредством владения навыком

управления сетью, точнее — контентом в сети (т. е. цифровой грамотностью), — отдельный человек или группа лиц обретают способность управлять всем миром.

К. Е. Резвушкин использует антиэкономический подход в понимании интернета: от пространства абсолютной свободы к месту тотального контроля. Мысль эта не нова. Подобные размышления можно обнаружить в одной из поздних статей Ж. Делеза «Post Scriptum к обществам контроля» [11]. В ней философ-постмодернист наблюдает за т. н. «электронной эволюцией» паноптикума. По сравнению с классическими надзирательными системами (завод, школа и тюрьма) паноптикум теряет топос (как конкретную точку на карте) и рассредотачивается повсюду. В кинематографической работе «Новые времена» (англ. *Modern Times*, 1936 г.) персонаж Ч. Чаплина всякий раз вставляет свою карточку в «надзирательный аппарат», что отмечает точное время прихода работника на завод и любые перемещения внутри завода. Этот аппарат — оплотненный символ контроля капиталиста над рабочим. Однако к концу XX в., по мысли Ж. Делеза, непосредственные аппараты контроля стали уступать место более изощренным конструкциям. Ж. Делез именовал их «электронными ошейниками». Наверное, они являются прообразом наших смартфонов с геолокацией.

В 2018 г. в свет вышла противоречивая работа профессора Гарварда, социального психолога и философа Ш. Зубофф «Эпоха надзорного капитализма» (ориг. «The Age of Surveillance Capitalism») [35]. В ней автор обосновывает концепцию новых капиталистических практик, что получили именование «надзорный капитализм». Ш. Зубофф разбирает бизнес-модели цифровых компаний, в том числе, Google и Amazon. Разбор проходит в контексте вопрошания о том, насколько свободен сам Интернет и способствует ли он свободе пользователей. Ш. Зубофф категорично заявляет о том, что «новый экономический порядок претендует на человеческий опыт как на сырье, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи. Паразитическая экономическая логика, в рамках которой производство товаров и услуг подчинено новой глобальной архитектуре изменения поведения» [36 с. 349]. К подобным выводам приходит О. Горюнова в своих работах по цифровому субъекту (англ. *digital subject*), где утверждает его (цифрового субъекта) положение между социобиологическим аналогом и цифровыми данными [30]. Опираясь на

установки М. Фуко о понимании субъекта через телесные, духовные и политические практики, она позиционирует цифрового субъекта в дискурсе власти. С одной стороны, реальный человек, с именем, телом, социальным статусом, создает свой аналог (в некоторых случаях — аналоги) в цифровой среде. В этом контексте именно реальный человек является автором, филиатором, обладателем своих цифровых «двойников». С другой стороны, попав в цифровую сеть, информация начинает функционировать по законам сети, не волеиям своего автора. В дело вступает паноптикум. Однако это не явные надзирательные конструкции как у И. Бентама или М. Фуко. Речь идет об утонченных управленческих практиках, что работают по принципу информационного контроля (о чем говорилось выше).

Кажется, что позиции Ш. Зубофф и О. Горюновой аналогичны. Но это не совсем так. О. Горюнова констатирует то, что Интернет оказывает широкое политическое и коммерческое влияние на социальных субъектов, вплоть до того, что в теле Интернета творятся «свои» актаны, тесно сплетенные с их биосоциокультурными аналогами. В то же время Ш. Зубофф выражает явную критику цифровому (как минимум, капитализму), именуя действия цифровых компаний манипулятивными. Для этого в своих дефинициях она использует маркеры с легко считываемой эмоциональной окраской: «человеческий опыт как сырье», «бесплатное сырье», «паразитическая экономическая логика». Отсюда легко уйти в пространственные размышления о природе самого интернета, отказать интернету в любом выражении свободы (особенно если вспомнить о том, что прообразом современного Интернета является американская военная разработка, Арпанет (от англ. *Advanced Research Projects Agency Network*) 1969 г. и утверждать мифы об американской гегемонии.

Поэтому К. Е. Резвушкин возвращается к концепту цифровой грамотности как теоретической конструкции, что указывает на многосоставный феномен. Цифровая грамотность выражает совокупность практических и функциональных навыков, что неразрывно связаны с креативностью, электронной безопасностью, культурным и социальным пониманием, коллаборациями, проверяемой информацией и критическим мышлением [27]. Он заключает, что цифровая грамотность есть метанавык, что составляет один из полюсов континуума культурной безопасности.

Трансформация налогового сигнала в цифровой на примере кино (Т. А. Вархотов)

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино», — знаменитая фраза В. И. Ленина, что несмотря на уже вековой возраст находит подтверждение своей актуальности в XXI в. [12]. По мнению Т. А. Вархотова, в кино мы наблюдаем линии аналогового и цифрового, их преемственность и, вместе с тем, глубокую разницу между ними.

Кино — это далеко не картинка. Точнее, это не любая картинка, но только та, что способна меня околдовать и заморозить. Т. А. Вархотов обращается к метафоре кино как окна, что «открывает» передо мной внешний мир. И в то же время я осознаю, что это — только внешний мир из кино. Магия кино срабатывает тогда, когда разница этих двух окон как бы стирается. Происходит это по трем основаниям: кино «включает» психологическое доверие; оно работает с воображением и эмоциями; оно использует сенсомоторные восприятия зрителя.

Воображение — важная составляющая в обращении к любому произведению искусства. О воображении в контексте размышлений об эпистемологии мысленного эксперимента Т. А. Вархотов пишет: «воображение является естественной границей понимания — понять значит вообразить» [6, с. 199]. В отношении кино схема работы воображения несколько корректируется. Речь идет не столько о понимании, сколько о принятии той картинке, что транслируется посредством экрана. В этом Т. А. Вархотов обнаруживает формулу успеха сериала «Игра престолов» (англ. *Game of Thrones*). «...» мир телесериала — система перцептивных, т. е. доступных зрительскому опыту объектов и событий, производящих субъективно значимый психоэмоциональный отклик» [5, с. 60]. В случае искомого отклика картинка должна согласовываться с системой индивидуальных и коллективных представлений зрителя. В отношении просматриваемого формируется своего рода субъективная ценность, что оформляется одновременно с развитием экзистенциального опыта.

В цифровую эпоху аналоговое кино, согласно Т. А. Вархотову, сохраняет свою привлекательность для зрителя по двум ключевым основаниям, эксклюзивность переживания и безопасность, «поскольку форма присутствия в пространстве-времени экранного мира ограничивается минимальным соучастием (функцией трансцен-

дентального наблюдателя, не имеющего возможность вмешиваться в ход событий, но имеющего максимально полную перцептивную картину) и позволяет в любой момент «выйти» (психологически или буквально)» [5, с. 80]. Иными словами, привлекательность аналогового кино зиждется на том, что оно является окном в мир, только другой мир, отличный от насущного. Всякий раз включая аналоговое кино я попадаю в иной мир, переживая тем самым уникальный опыт, совершая новое перцептивное путешествие, в котором от меня как от зрителя зависит выбор направления, но не зависит развитие.

Цифровое кино и анимация тоже открывают для зрителя новые опыты переживания. Однако эти опыты отличны от тех, что предлагает их аналоговый «собрат». Чтобы продемонстрировать разницу между ними Т. А. Вархотов обращается к иллюстрации с роботом. В определенной степени робот есть антропоморфная калька. Его движения подобны человеческим, но они другие. Это другое коренится в их дискретности. Робот дискретен, человек континуален.

Фильм «На игле» (ориг. *Trainspotting*, 1995 г.) открывает нам окно в мир Эдинбурга 1990-х гг., а точнее — в мир четырех друзей-наркоманов. У каждого из них складываются свои отношения с очередной дозой наркотика: найти, получить, отказаться. Моменты эмоционального пика в фильме Д. Бойл режиссирует посредством точного сочетания картинки и музыки. Сцена детоксикации Марка Рентона (в исполнении Ю. Макгрегора), во время которой по потолку пополз ребенок, стала культовой в мировом кинематографе. Наверное, ее культовость не только в оригинальности самой задумки, но в том, как она выполнена, на что она нацелена. Зритель переживает глубокий страх и физический дискомфорт (вплоть до телесной боли) вместе с персонажем фильма.

Фильм «Аватар» (ориг. *Avatar*, 2009 г.) открывает нам взгляд на планету Пандора. Там есть древо-дом, синие туземцы с кошачьими мордами и летающие медузы. В реальной жизни младенцы по потолку тоже не ползают. Но штука вся в том, что Д. Бойл ставил задачу собрать для нас окно в повседневность наркомана с его галлюциногенными переживаниями. Вполне возможно, что в этих переживаниях есть место для Пандоры и на'ви (имя человекоподобных существ из «Аватара»), но Дж. Кэмерон создал для зрителей не галлюциногенную картинку, он прорисовал фантазийный образ.

С этим образом, по мнению Т. А. Вархотова, зритель не может себя полноценно соотносить, он не испытывает эффекта психологического присутствия, у него нет возможности открыть «свое» окно на Пандору. Отсюда Т. А. Вархотов делает вывод о том, что в линии аналоговое — цифровое кино развивается технологически, но утрачивает тонкую психоэмоциональную и сенсомоторную связь со зрителем.

Выводы

На методологическом семинаре был обозначен широкий спектр проблем, связанных с цифровой повседневностью, то есть permanently реализующейся интеграцией соответствующих технологий в бытовые практики, науку, экономику, политику, культуру. Эти проблемы актуализируют аксиологические, социальные, антропологические оптики исследований. Все участники семинара в различных ракурсах показали то, что перед философией возникли новые задачи по осмыслению и концептуализации меняющейся действительности. Как и наука, философия не может игнорировать политические, экономические и социокультурные трансформации, существо и возможные последствия которых еще только предстоит «схватить» в концептах. Игнорирование цифровизации чревато трудно предсказуемыми результатами, но, скорее всего, одним из них могла бы быть капсуляция философского знания, функционирующего на «топливе» концептов прошлого. Неизбежен набирающий обороты процесс диффузии знаний и знаниевых конструктов: науки XXI в. (и философские науки, в частности) представляют собой метрически не регистрируемое множество спорадически пересекающихся областей с динамическими границами. На наш взгляд, интенсивный процесс смешения наук не дает достаточного основания для алармистских настроений: уникальность философии и ее особая историческая роль способны сохраниться в контексте цифровизации всех сфер жизни. Однако сохраняться они вряд ли должны методом консервации.

Статья поступила в редакцию 03.07.2022

1. Адаптационный чат-бот для иностранных студентов российского университета «СОКРАТ-2020». Борисов Сергей Валентинович, Шереметьева Светлана Олеговна, Бабина Ольга Ивановна, Комельков Артем

Анатольевич. Свидетельство о регистрации базы данных 2022620301, 08.02.2022. Заявка № 2022620170 от 05.02.2022.

2. Артамонов Д. С. Исторические фейки и религиозное сознание // Социология религии в обществе позднего модерна. 2020. Т. 9. С. 8—11.

3. Борисов С. В. Субъектность и адаптивность современной молодежи: возможности измерения (экспертизы) нефизических величин // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 38—46.

4. Борисов С. В. Философская практика во времена пандемии (по итогам работы Международной онлайн-конференции по философской практике ICPP 2020) // Социум и власть. 2020. № 4 (84). С. 94—103.

5. Вархотов Т. А. «Игра престолов»: анатомия и судьба идеального телесериала // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2019. Вып. 4 (22). С. 60—91.

6. Вархотов Т. А. Воображение как граница понимания: о функции воображения в мысленных экспериментах // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2020. Вып. 2 (24). С. 199—224.

7. Вархотов Т., Костылев П. Семейные и религиозные ценности в мире сериала «Сверхъестественное» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 191—216.

8. Ветютнев Ю. Ю. Аксиологический статус правового равенства // Философия права. 2012. № 1 (50). С. 90—95.

9. Гартман Н. Проблема духовного бытия // Культурология XX век. М. : Юрист, 1995.

10. Декарт Р. Размышления о первой философии / Р. Декарт. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1994.

11. Делез Ж. Переговоры. СПб. : Наука, 2004.

12. Ленинские фразы. URL: <https://inlnk.ru/dnYpjj> (дата обращения: 03.07.2022).

13. Моторина Л. Е. Философская антропология : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2017.

14. Резвушкин К. Е. Аутентичность в современной медиареальности: к постановке проблемы // Наука ЮУрГУ. Материалы 69-й научной конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации; Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2017. С. 225—228.

15. Серр М. Девочка с пальчик. М. : Ад Маргинем, 2016.

16. Соломко Д. В. Экогуманистика как вид научного знания и методология понимания

специфики отношения «человек — техно-технологизированный мир» // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 15—25.

17. Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Историческая память в социальных медиа. СПб. : Алетейя, 2021.

18. Тульчинский Г. Л. Цифровизованный гуманизм // Философские науки. 2018. № 11. С. 28—43.

19. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : Весь Мир, 2003.

20. Хайдеггер М. Вопрос о технике. Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993.

21. Хайдеггер М. Отрешенность. Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993.

22. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М. : Академический Проект, 2013.

23. Чеботарева Е. Э. Научные исследования в контексте цифровой экономики // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5, № 11. С. 36—41.

24. Черниговская Т. В. Еще раз о мозге и семиозисе: можно ли найти точку в нейросетях? // Вопросы философии. 2021. С. 5—13.

25. Akçayir M., Dündar H., Akçayir G. (2016) What makes you a digital native? Is it enough to be born after 1980? Computers in Human Behavior. 60, pp. 435—440.

26. Bombardelli O. (2021) Digital Citizenship and Lifelong Learning. Advances in Intelligent Systems and Computing, 1231 AISC, / pp. 817—826.

27. Edureach101: Teaching Students Digital Literacy. URL: <https://edureach101.com/teaching-students-digital-literacy/> (дата обращения: 03.07.2022).

28. Flandoli A. M. B., Eguiguren J. M. S. Media and digital literacy: From particularities to encounters and possibilities. Iberian Conference on Information Systems and Technologies. 2021.

29. Global Information Grid (GIG). Capstone Requirements Document (CRD). 30 August 2001. URL: <https://www.acqnotes.com/Attachments/Global%20Information%20Grid%20Capstone%20Requirements%20Document,%2030%20Aug%2001.pdf> (дата обращения: 03.07.2022).

30. Goriunova O. The Digital Subject: People as Data as Persons // Theory, Culture and Society. 2019. № 36 (6). Pp. 125—145.

31. Nikou S., Brännback M., Widén G. The impact of digitalization on literacy: Digital immigrants vs. Digital natives. 27th European Conference on Information Systems — Information Systems for a Sharing Society, ECIS, 2019.

32. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon. 2001. № 9 (5). Pp. 1—6.

33. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 2: Do They Really Think Differently? // On the Horizon. 2001. № 9 (6), Pp. 1—6.

34. Smith E.E., Kahlke R., Judd T. From digital natives to digital literacy: Anchoring digital practices through learning design. ASCILITE 2018 — Conference Proceedings — 35th International Conference of Innovation, Practice and Research in the use of Educational Technologies in Tertiary Education: Open Oceans: Learning Without Borders. 2017. Pp. 510—515.

35. Wang Y., James Woo D. Investigating Digital Literacy Skills in Examination-Oriented Education System for the Post-Pandemic Era. ACM International Conference Proceeding Series. 2021. Pp. 169—175.

36. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York : Public Affairs, 2019.

References

1. Adaptacionnyj chat-bot dlja inostrannyh studentov rossijskogo universiteta "SOKRAT-2020". [Adaptation chatbot for foreign students of the Russian University "SOCRATES-2020"]. Borisov Sergej Valentinovich, Sheremet'eva Svetlana Olegovna, Babina Ol'ga Ivanovna, Komel'kov Artem Anatol'evich. Svidetel'stvo o registracii bazy dannyh 2022620301, 08.02.2022. Zajavka № 2022620170 ot 05.02.2022. [in Rus].

2. Artamonov D.S. (2020) *Sociologija religii v obshhestve pozdnego moderna*, vol. 9, pp. 8—11. [in Rus].

3. Borisov S.V. (2021) *Socium i vlast'*, no. 4 (90), pp. 38—46. [in Rus].

4. Borisov S.V. (2020) *Socium i vlast'*, no. 4 (84), pp. 94—103. [in Rus].

5. Varhotov T.A. (2019) ПРАΞΗΜΑ. *Journal of Visual Semiotics*, no. 4 (22), pp. 60—91. [in Rus].

6. Varhotov T.A. (2020) ПРАΞΗΜΑ. *Journal of Visual Semiotics*, no. 2 (24), pp. 199—224. [in Rus].

7. Varhotov T., Kostylev P. (2019) *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 191—216. [in Rus].

8. Vetjutnev Ju.Ju. (2012) *Filosofija prava*. № 1 (50), pp. 90-95. [in Rus].

9. Hartmann N. (1995) *Problema duhovnogo bytija*. [The problem of spiritual being]. Moscow, Jurist. [in Rus].

10. Descartes R. (1994) *Razmyshlenija o pervoj filosofii*. [Reflections on First Philosophy]. Moscow, Mysl'. [in Rus].

11. Deleuze G. (2004) *Peregovory* [Negotiation]. St. Petersburg, Nauka. [in Rus].
12. *Leninskie frazy*. [Lenin's phrases]. Available at: <https://inlnk.ru/dnYPjj>, accessed 03.07.2022 [in Rus].
13. Motorina L.E. (2017) *Filosofskaja antropologija*. [Philosophical anthropology]. Moscow, INFRA-M. [in Rus].
14. Rezvushkin K.E. (2017) *V sbornike: Nauka JuUrGU. Materialy 69-j nauchnoj konferencii. Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii; Juzhno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet*, pp. 225—228. [in Rus].
15. Serres M. (2016) *Devotchka s pal'chik*. [Petite Poucette]. Moscow, Ad Marginem. [in Rus].
16. Solomko D.V. (2022) *Socium i vlast'*, no. 1 (91), pp. 15—25. [in Rus].
17. Tihonova S.V., Artamonov D.S. (2021) *Istoricheskaja pamjat' v social'nyh media*. [Historical memory in social media]. St. Petersburg, Aletejja. [in Rus].
18. Tul'chinskij G.L. (2018) *Filosofskie nauki*, no. 11, pp. 28—43. [in Rus].
19. Habermas Ju. (2003) *Filosofskij diskurs o moderne*. [The Philosophical Discourse of Modernity]. Moscow, Ves' Mir. [in Rus].
20. Heidegger M. (1993) *Vopros o tehnike*. [Question about technology]. Moscow, Respublika. [in Rus].
21. Heidegger M. (1993) *Otreshennost'*. [Detachment]. Moscow, Respublika. [in Rus].
22. Heidegger M. (2013) *Chto takoe metafizika?* [What is metaphysics?]. Moscow, Akademicheskij Proekt. [in Rus].
23. Chebotareva E.Je. (2017) *International Journal of Open Information Technologies*, vol. 5, no. 11, pp. 36—41. [in Rus].
24. Chernigovskaja T.V. (2021) *Voprosy filosofii*, pp. 5—13. [in Rus].
25. Akçayir M., Dündar H., Akçayir G. (2016) What makes you a digital native? Is it enough to be born after 1980? *Computers in Human Behavior*, no. 60, pp. 435—440. [in Rus].
26. Bombardelli O. (2021) Digital Citizenship and Lifelong Learning. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 1231 AISC, pp. 817—826. [in Rus].
27. Edureach101: Teaching Students Digital Literacy. Available at: <https://edureach101.com/teaching-students-digital-literacy>, accessed 03.07.2022 [in Eng].
28. Flandoli A.M.B., Eguiguren J.M.S. (2021) Media and digital literacy: From particularities to encounters and possibilities. *Iberian Conference on Information Systems and Technologies..* [in Eng].
29. Global Information Grid (GIG). Capstone Requirements Document (CRD). 30 August 2001. Available at: <https://www.acqnotes.com/Attachments/Global%20Information%20Grid%20Capstone%20Requirements%20Document,%2030%20Aug%2001.pdf>, accessed 03.07.2022 [in Eng].
30. Goriunova O. (2019) The Digital Subject: People as Data as Persons. *Theory, Culture and Society*, no. 36(6), pp. 125—145. [in Eng].
31. Nikou S., Brännback M., Widén G. (2020) The impact of digitalization on literacy: Digital immigrants vs. Digital natives. *27th European Conference on Information Systems — Information Systems for a Sharing Society*, ECIS, 2019. [in Eng].
32. Prensky M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1. *On the Horizon*, no. 9 (5), pp. 1—6. [in Eng].
33. Prensky M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. Part 2: Do They Really Think Differently? *On the Horizon*, no. 9 (6), pp. 1—6. [in Eng].
34. Smith E.E., Kahlke R., Judd T. (2017) From digital natives to digital literacy: Anchoring digital practices through learning design. *ASCILITE 2018 — Conference Proceedings — 35th International Conference of Innovation, Practice and Research in the use of Educational Technologies in Tertiary Education: Open Oceans: Learning Without Borders*, pp. 510—515. [in Eng].
35. Wang Y., James Woo D. Investigating Digital Literacy Skills in Examination-Oriented Education System for the Post-Pandemic Era. *ACM International Conference Proceeding Series*. 2021, pp. 169—175. [in Eng].
36. Zuboff Sh. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, Public Affairs. [in Eng].

For citing: Dydrov A. A., Penner R. V.
Building a discourse about digital //
Socium i vlast'. 2022. № 3 (93). P. 114—126.
DOI: 10.22394/1996-0522-2022-3-114-126.
EDN KPTOBD.

UDC 101.2

EDN KPTOBD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-114-126

BUILDING A DISCOURSE ABOUT DIGITAL¹

Artur A. Dydrov,

South Ural State University
Professor at the Department of Philosophy,
Senior Researcher, Scientific and Educational
Center for Practical and Applied Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Regina V. Penner,

South Ural State University
Associate Professor at the Department of Philoso-
phy,
Senior Researcher, Scientific and Educational
Center for Practical and Applied Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Chelyabinsk Russia.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Abstract

Introduction. The subjects and actors of social reality have entered the digital age. This is expressed at several levels: first of all, in objects and technology, also at the level of everyday life of a modern person and social groups and worldview in general. A philosopher, like no one else, is capable of seeing such transformations and their subsequent reflection. This reflection is carried out simultaneously in the bosom of classical social and humanitarian disciplines, including philosophy, sociology, cultural studies, for example, and in the space of new areas of scientific knowledge. Such a new discipline, the focus of which is digital, is digital anthropology. The article presents a summary of the speeches of the leading speakers of the methodological school "Digital Anthropology: Theoretical and Applied Aspects", which took place in May 2022 at South Ural State University.

The purpose of the article is to identify and to analyze possible directions of philosophical reflection of the digital in the context of conceptualizing digital anthropology.

Methods. The study is based on general scientific methods, analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction. The analysis of the speeches of the speakers of the methodological school "Digital Anthropology: Theoretical and Applied Aspects" was carried out primarily on the basis of the interpretation method and systematic approach.

Scientific novelty of the study. The article presents specific steps in building a discourse about digital through analyzing the speeches by Russian philosophers and their subsequent discussion within the framework of the work of the methodological school "Digital Anthropology: Theoretical and Applied Aspects".

Results. The exposition of speeches within the framework of the methodological section varied thematically from the ontological, anthropological and axiological aspects of digitalization to specific cases of Internet Studies. As part of the work of the methodological school, the following topics were presented: "The problem of values in digital culture" (Yury Yu. Vetutnev), "Impact content in social media" (Sophia V. Tikhonova), "Construction of ideas about the past in social media" (Denis S. Artamonov), "Repost and like as "alternatives" to traditional scientometrics" (Elena E. Chebotareva), "Value-semantic dimension of subjectivity: opportunities and threats of the digital society" (Sergey V. Borisov), "Digital literacy in conditions of surveillance capitalism and Network-centric warfare" (Kirill E. Rezvushkin), "Feature films and digital technologies: the future of one illusion" (Taras A. Varkhotov).

Conclusion. In the work of the methodological school, a wide range of problems related to digital everyday life was identified. These problems actualize the axiological, social, anthropological optics of research. All participants of the school showed from different perspectives that new tasks arose for philosophy to comprehend and conceptualize the changing reality. The philosopher, living in the digital space, is able to reflect on the digital and build a discourse about it. In our opinion, the concept of digital anthropology claims to take the place of such a discourse.

Keywords:

digital,
digital space,
digital anthropology,
digital literacy,
Internet,
digital actors,
digital identity.

¹ The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-PhDs MK-2592.2022.2 "Digital Anthropology: Theoretical and Applied Aspects"